

Павловский платок

До родной деревни оставалось совсем ничего, и в машине все смолкли. Так было всегда: после продолжительной поездки все члены семьи осознавали, что отец, подъезжая к отчему дому, волнуется и как-то само собой прекращались все разговоры, шутки, никто не предлагал уже закончить решение кроссворда или дать правильный ответ на хитроумную загадку.

Я и в самом деле испытывал щемящее чувство радости и грусти одновременно, когда ехал по знакомым с детства местам. Все здесь казалось милым и родным. Много лет назад после окончания школы я уехал из этих мест, но старался по возможности бывать на родине. Здесь жила мама, Мария Васильевна, жила одна, так как муж ее, мой отец, Анатолий Александрович, с которым она прожила вместе 55 лет, скончался и был похоронен на местном кладбище «У Старого Егория». Мы с женой Лидой неоднократно предлагали маме переехать к нам, в город, в другую область, но она под разными предлогами все не соглашалась.

На этот раз я был настроен решительно и, заручившись поддержкой Лиды, дочки Кати и даже маленького внука Алеши, решил во что бы то ни стало уговорить мать переехать к нам в городскую квартиру. Машина мягко остановилась на лужайке около дома. Трава вокруг построек была выкошена. Мария Васильевна знала, что семья наша вот-вот придет и, несмотря на свой возраст, а ей было уже за 80, сама, загодя, навела порядок в доме и во дворе.

Она, как всегда, была рада нашему приезду. Вынимала из русской печи «шти» сваренные из мяса и овсяной крупы, собирала на стол деревенские яства и, как водится, по особому случаю, ставила самовар. Раньше в доме было три самовара: один, полученный по наследству от бабушки и дедушки по отцовской линии, был отдан младшему брату Саше, который жил в Ленинградской области, другим самоваром Мария Васильевна пользовалась сама, а третий был приготовлен для нас, что бы на даче пользовались.

Пока Лида с Катей раскладывали из многочисленных пакетов привезенные продукты, я достал из дорожной сумки свой подарок – большой белый головной платок из тонкой паутинки. Несмотря на свои размеры, он был настолько невесомым, что я, в который раз удивился мастерству рук, которые его создали.

Мама приняла подарок с улыбкой и, как водится, стала говорить: «Зачем возишь? Куда мне их?» Но по всему было заметно: ей приятно получить этот шикарный головной платок. Платков у мамы было всегда много, точнее целая коллекция. С детства мы знали, что у мамы особое отношение к платкам. Хранились они в отдельном сундуке, старинном, сделанном еще предками матери. По каждому отдельному поводу надевался

свой головной убор, соответствовавший времени и месту: летом на сенокос – легкие белые платочки; в гости или на женские посиделки - расписные цветами платки; зимой – сначала надевался простой ситцевый платок, а сверху теплый шерстяной. Нарядные, в цветных рисунках полушалки надевались, когда мама шла в другую деревню или ехала к родственникам. Для особых случаев, например, для свадеб, которые в деревнях в те годы отмечали шумно и весело, были припасены в отдельной стопке праздничные шали.

Об этом увлечении мамы знали все родственники, и когда приезжали к ней в гости, то непременно старались привезти свой, особый, с неповторимым рисунком платок или полушалок. Мама оставляла себе немногие, наиболее дорогие ее сердцу, остальные раздавала дочерям, племянницам, просто знакомым молодым женщинам, а потом и внукам.

Когда в очередной раз мы везли ей, например, настоящий оренбургский платок хорошего качества, то знали, конечно, что ей не нужно такое количество теплых платков, и она передаст его, в свою очередь, родственницам или еще кому то, но традиция уже устоялась, и изменить ее было не возможно.

Мама могла долго и любовно показывать свою коллекцию из раритетного сундука и о каждой вещи рассказывала целые истории. Она помнила: где купила, кто подарил, почему она так бережно хранит тот или иной экземпляр.

– В этом полушалке меня увидел Толя (так она называла своего мужа) зимой 45-го года, когда он бравым моряком вернулся с войны. Родители Толи хоть и были раскулачены в начале 30-х годов, но все равно считались состоятельными людьми и хотели, чтобы невеста сына была из такой же обеспеченной семьи. Но всех девушек, которых привозили Анатолию на смотрины, он отверг и стал ухаживать за мной. Скажу по секрету: когда я была еще маленькой, мне, наверное, лет 8 исполнилось, а ему 16 и он уже дружил со своими ровесниками, я часто видела, как молодые девушки приходят к нему в дом, а сама думала: ходите, ходите, а я вот вырасту и замуж за него выйду.

Сразу после Нового года, в 46-ом, мы сыграли свадьбу. Жить стали в погребе, приспособив его под временное жилье, и заготавливали лес для строительства своего дома. На этой тяжелой работе я и надорвалась. Когда родился наш первенец, то прожил всего несколько дней. Муж сколотил маленький гробик, я завернула мальчика в белый платок и сама положила его в первое и последнее пристанище. Слава богу, другие дети родились все здоровыми».

- В этом платке я ходила с Толей расписываться в сельсовет. Это было, когда я в положении со второй дочкой была. Шли пешком, 10 км туда, 10 км обратно, но для нас, сельских жителей это было обычным явлением.

- А в этом я ездила в Мурманск, повидаться с сестрой и братьями. Когда, спустя несколько лет после войны умерла наша мама Ульяна - она очень любила своего мужа Василия, так и не смогла пережить гибель его на

фронте, все мои братья и сестра уехали в Заполярье. С той поры в родительском пятистенке никто не живет, хотя сам видишь, он и сейчас выглядит статно и добротнo. А место какое?! На самом берегу реки. Загляденье просто!

Мария Васильевна рассказывала не торопясь, бережно перекладывая шерстяные, ситцевые, шелковые платки и полушалки.

- Мама, да у тебя каких только нет! Это же настоящий музей, воскликнул как - то раз я.

- Не согласна с тобой. Хочется мне увидеть еще, хотя бы раз, один платок. Уж очень мне приглянулся.

- Почему увидеть? Ты скажи, какой, мы купим тебе.

- Ой, не знаю. Больно уж он красивый, не встречала я такого никогда.

- Ну, ты опиши его. Рисунок – то, какой?

- Не рассказать мне. Знаю только, что цветы, краше нет, плывут на нем в облаках. А небо чистое, чистое.

- Мама, не могут цветы вместе с облаками плыть.

- Не знаю, могут или нет, но только видела я.

- А где ты видела?

- Видела во сне. Приснился мне этот платок. Будто ты мне его подарил. Забыть не могу красоту эту.

Мне хотелось разговор превратить в шутку, но видя, что мать говорит серьезно, не стал иронизировать.

Сундук с ценным для матери содержимым стоял на закрытой веранде. Старушка регулярно просушивала содержимое, поэтому за десятки лет женские головные уборы, столь незаменимые в деревенской жизни, не истлели и не потеряли красок.

Она уже давно и ни раз объяснила нам кому и какой платок отдать после ее смерти, но я всерьез не принимал ее слова, как бы считая, что мама у нас была всегда и так будет и дальше.

В детстве у меня с мамой были очень трогательные отношения. В деревнях русских не принято быть откровенно ласковыми и нежными к своим детям. А тогда и вовсе время было непростое, ребята и девочки с самого раннего возраста работали в колхозе летом и дома в любое время года, поэтому было не до сантиментов.

Но маленьким я был так привязан к матери, что ей было трудно быть со мной строгой.

Мама рассказывала, что уже в начальной школе я отличался от сверстников начитанностью и эрудицией. Иногда говорил матери фразы из художественных книг, смысл которых она не всегда понимала, но чувствовала гордость, что сын ее растет не деревенским парнем, а тянется к другой, далекой и непознанной еще жизни.

Иногда жалея, она уберегала меня от физической работы. Загодя зная, что предстоит делать днем, (распорядок работ устанавливал отец - глава семейства), она заворачивала в простенький головной платок небольшой гостинец, например, свежеиспеченный пирог, и наказывала мне, чтобы я

отнес его родственникам из другой деревни. Там меня встречали, поили чаем, расспрашивали о родителях.

Особенно мне нравилось посещать дома, где были книги, патефон или хотя бы велосипед. Всё это поступало в моё распоряжение и день незаметно пролетал. К вечеру я бегом бежал домой и сразу спрашивал

- А где мама?

Старшие сестры, Рая и Валя, целый день работавшие наравне со взрослыми, иногда язвили по поводу «книжного мальчика», но родители не позволяли меня обижать, да и сами сестры, вообще то, доброжелательно относились к младшему брату, смирившись с его статусом – любимчика.

Еще раньше, когда я только научился ходить, то каждый раз, когда мама шла доить корову, я брал алюминиевую кружку (отец привез ее с морской службы), шел на крыльцо, садился на ступеньки и терпеливо ждал, когда мама подоит корову и нальет мне в кружку парного молока. Так с тех пор я и остался привязанным к молочным продуктам на всю жизнь.

Когда наступала самая горячая в деревне пора – сенокос, никаких поблажек уже быть не могло. В это время и стар, и млад были на поже. Для детей самое долгожданное время – обед. Перед обедом нас отпускали искупаться в речке. А когда мы приходили обратно, освежившись быстрой, холодной водой, матери наши уже расстилали в тени, на скошенной траве, специально взятые для этой цели платки и расставляли на них посуду: блюда и кружки. Обед готовили на костре по очереди или это делал избранный обществом повар. Чай заваривали только из трав и кустарников.

Когда вечером после работы, все собирались домой, женщины для самых маленьких детей, которые оставались дома, опять же в платки или в корзины собирали лесные ягоды.

Головные платки выполняли разные функции. Ими женщины не только вытирали слезы свои и своих детей, не только использовали в качестве импровизированной скатерти, делали из них маленькие узелки, что бы нести продукты и большие узлы для переноса вещей, но могли использовать и как средство первой помощи.

Однажды сосед наш топором поранил ногу. Это было крайне редко и удивительно, так как все деревенские мужчины с детских лет умеют обращаться с топором и другими инструментами. Но сосед во время работы случайно задел ветку дерева, она изменила движение руки, и топор попал в ногу. Пока одна из женщин (дело было в лесу) отрывала нижний край юбки, чтобы перевязать ногу мужчине, другая быстрым движением сорвала с головы платок и зажала рану.

Сам я помню смутно, но мне подробно рассказывали, как и самого меня чудом спасла мама с помощью шерстяного платка. Когда мне не исполнилось еще и три годика, я крутился около топящейся печки-голланки. Сестры тоже были в доме, играли в свои девичьи игры. В какой-то момент я видимо подошел слишком близко к печке, которая не была закрыта печной дверцей, и на мне тотчас вспыхнула рубашка. В один миг пламя охватило ребенка. Сестры закричали и в испуге бросились на большую печь. А я,

объятый пламенем, добежал таки до входной двери, открыл ее и успел позвать маму. Мать была в хлеву, ухаживала за скотиной. Еще несколько секунд ушло, пока мама, услышав крик сына, бежала в дом. Вбежав в комнату, мать моментально сделала то, что могло спасти ее ребенка. Шерстяным платком, который был на её голове, она охватила меня и сбила пламя. В сельской больнице, куда меня доставили с обгоревшей спиной, работал один фельдшер – только что закончившая медицинское училище Светлана Васильевна. Благо был телефон, и она постоянно консультировалась со специалистами областной больницы. Впоследствии Светлана Васильевна сама рассказывала, что когда она убирала остатки сгоревшей кожи на спине ребенка, а потом ежедневно делала перевязки, вместе с мальчиком плакали почти все женщины-пациентки больницы. Обезболивающих тогда в сельских больницах и в помине не было. Трудно представить какие пришлось перенести мучения, но ребенка с тяжелыми ожогами спины и ягодиц сумели спасти. Мне еще долго пришлось лежать в больнице, а когда выписали, уже дома я плакал, даже если отец просто зажигал спичку, чтобы прикурить самокрутку.

Этот случай скорее психологически закалил меня, чем надломил. А детская привязанность к маме с каждым годом только укреплялась. Причем я был способен по-своему отстаивать свои права.

Когда мне было чуть больше трех лет и на свет появился Саша – наш младший брат - произошел такой случай. Я любил играть детской корзинкой. Корзинку эту сделал и подарил мне известный в округе Шурка-мельник, который, был на все руки мастер, в том числе хорошо играл на гармошках и сам их изготавливал на заказ для других любителей этого русского народного инструмента.

Мастер сделал для детей немало игрушек, в том числе деревянную лошадку на колесиках, на которой я с удовольствием ездил верхом. Обещал сделать для меня и маленькую настоящую гармошку, но все откладывал, а потом я вырос, и вопрос сам собой отпал.

Так вот, в корзинке детской хранились разные предметы важные для мальчиков того времени: гаечки, сломанные карандаши и ручки, свисток, ракушки, камушки и прочие мальчишеские принадлежности. Когда новорожденного братика впервые принесли в дом, и домочадцы его посмотрели, мама положила на лавку завернутого в пеленки ребенка.

Я сразу понял: теперь вот на этот сверток, который только и умеет пищать и сосать грудь, будет обращена вся забота мамы. Я не мог с этим смириться, взял свою корзинку, размахнулся и бросил в своего соперника, и ведь попал, метров с трех. Все забегали, заохали, стали распеленать сверточек - не досталось ли ему. При этом переполохе виновник даже с места не шелохнулся. Он даже хотел, чтобы его отшлепали, но никто на него не обращал внимания. Только старшая сестра Рая, которой шел уже десятый год, немного позже, попыталась объяснить мне, что и я был такой же маленький и беспомощный.

Эту историю я сам рассказал своему брату, когда мы стали совсем взрослыми. Может вину до сих пор чувствовал. Добродушный Александр только и сказал: «Ну, тебе же надо было оправдывать звание «маменького сынка». Ты поступил в соответствии своим статусом..

В школе я учился очень хорошо, читал на память стихи известных поэтов целыми главами, участвовал во всех районных школьных олимпиадах по многим предметам, а также, будучи спортивным мальчиком, ездил на районные соревнования.

Учителя впоследствии вспоминали, – «Иногда вопросы ученика Анатолия Подольского смущали нас во время объяснения новой темы. А одна из учительниц со стажем однажды сказала своему ученику: «Странный ты, Толя, какой-то. Вырос на глазах, но не деревенский ты. И манеры у тебя ненашенские, книжные какие-то. Учителей часто в тупик ставишь своими вопросами. Откуда в тебе все это?»

В 9-10 классах мы учились в средней школе, которая была одна на всю округу и располагалась в 20 км от нашей деревни. Из-за больших расстояний и разбросанности деревень родительские собрания в старших классов были не более одного раза в год. Мама тоже приезжала в школу на собрание. Классное собрание хоть и было родительским, но проходило в присутствии учеников. Мама немного опоздала. Когда она зашла, все сразу обратили внимание, потому что на пальто у нее была наброшена шаль, необычайно красивая, белая, с яркими красными цветами. Посещение школы мама оценивала как особый случай и пришла очень нарядная, надев свою лучшую шаль. Девочки из класса потом говорили в один голос: «Подольский, какая у тебя мама красивая».

После окончания школы, института и службы в Армии у меня сложилась неплохая карьера. Но со временем мне пришлось оставить высокие должности и перейти на преподавательскую работу в университете, оставаясь одновременно консультантом по экономическим вопросам для бизнесменов и чиновников. Старался никогда не забывать о своей малой родине, возил туда свою семью и очень хотел, чтобы старенькая мама стала жить в нашей просторной городской квартире.

В этот приезд мы были настроены решительно. Когда праздничный ужин по поводу прибытия в деревню был закончен, а выпившие во славу земляка соседи разошлись по домам, я начал деликатный разговор с мамой о переезде.

Каких только доводов я не приводил. Пришлось даже вспомнить один забавный случай. Как-то повзрослевшие сестры в присутствии матери спорили, у кого она будет жить, когда будет старенькой. Спорили всерьез, долго, каждая приводила доводы в свою пользу. Мария Васильевна не проронила ни слова и, только когда бессмысленный и явно преждевременный спор закончился ничем, вдруг негромко сказала: «Если суждено мне дожить до таких годков, что вынуждена буду жить у детей, то прожить в согласии смогу только у Толи». Реакция дочерей была предсказуемой:

- «Маменький сынок» - бросила как в детстве одна из них, и обе сделали вид, что никакого разговора вовсе не было.

В нынешний вечер мама также молча слушала мои увещевания. Она понимала, что сын искренен в своем стремлении забрать ее в город, но как все оставить? Наконец вынесла решение:

- Всегда ты говорил складно Толя. Может и прав ты. Поживем – увидим. Ну, да ладно. Надо ведь хоть на старости лет и городской побыть.

Несколько дней в деревне пролетели быстро. Мы, следуя наказам матери, сделали новый забор, отремонтировали крышу бани. Лида подкрасила в светло-синий цвет фасад дома. Дочка Катя занималась своим сыном Алешей.

Мама готовилась к переезду серьезно. Несколько раз пересмотрела вещи, которые решила взять с собой. Отдельно сложила стопку головных платков, не из коллекции, а из повседневных. Настояла, чтобы положили в багажник иномарки самовар: «На даче ставить будем».

То что у нас была дача рядом с лесом, совсем недалеко от города, было одним из факторов, способствовавших решению мамы о переезде.

Ей, всю жизнь, прожившую в деревне, на природе, было трудно осознать, что она не будет ходить в лес за ягодами и грибами, на речке не будет полоскать белье и не услышит пение птиц. В этом преклонном возрасте она, сидя на лавочке возле своего дома, проникалась щебетанием, перекликиванием, пением различных пернатых и очень беспокоилась, что не будет слышать этих привычных звуков.

Но мы убедили ее, что на дачу ездим, почти каждые выходные с мая по сентябрь. Рассказали, что там двухэтажный уютный домик, ухоженные грядки, современные теплицы, настоящая русская баня и красивая беседка. И все это рядом с лесным массивом, где даже небольшая речка имеется.

- А рядом с дачей у нас растет большая черемуха, - привел самый главный довод маленький Алеша.

Одним словом, рано утром погрузив внушительный багаж и закрыв родной дом, семейство отправилось в обратный путь.

Часть новой трассы со свежим асфальтовым покрытием шла по старой дороге через знакомые маме места и деревни и она стала рассказывать, как по этой дороге (более 200 км) она молодая девятнадцатилетняя девушка вместе с тремя землячками возвращалась во время войны с промышленной заготовки леса из соседней области. Лес заготавливался для нужд артиллерии, он был необходим фронту, нормы были высокие, а работа тяжелая. Из деревни к месту назначения их увезли на грузовике, а вот обратно после месяца напряженного труда им пришлось пешком почти четыре дня добираться до дома. А дороги тогда были излом и вывих, не то, что ныне.

Во второй половине дня, ближе к вечеру семья прибыла в город, и снова была привычная суэта, снова разбирались вещи и женщины накрывали на стол. Маме определили жить в детской. Дети выросли, жили отдельно: сын Игорь работал и жил в Москве, а Катя с Алешей - в соседнем доме и

почти ежедневно заходили к «деду и бабе». Детская комната давно была освобождена от игрушек и школьных книг и предназначалась для гостей. Но мама только ночевала там, ей больше нравился просторный зал с большим телевизором, фортепьяно и картинами на стенах. На журнальном столике в зале она расставила иконы, церковные книги и лампадку, которую зажигала в поминальные дни.

За короткий срок она перезнакомилась не только с соседями из нашего подъезда, но и с жителями других подъездов, и рассказывала нам кто есть кто. Мы жили в этом доме более десяти лет, но мало кого знали из соседей до приезда матери. Мама по выходным ходила в церковь. Там за ее постоянство тоже стали вскоре знать все церковные служащие. Рано утром на церковную службу Мария Васильевна шла сама, но после службы я встречал её на машине и вез домой. Любила ходить в магазин, который располагался в нашем доме, только с торца, и название ее привлекало. Магазин назывался «Любимый». Там она делала незначительные покупки, но больше беседовала с продавщицами, которые привыкли к ней, и если вдруг ее не было два-три дня, спрашивали у меня или у Лидии Ивановны: «Не заболела ли бабушка? Что то давно ее не было».

Крепко подружилась Мария Васильевна с одной старушкой из соседнего дома. Клавдия Петровна – так звали старушку, жила одна, на первом этаже, и любила, сидя на веранде и открыв окно, беседовать с проходящими мимо ее окон знакомыми.

Мария Васильевна стала бывать у Клавдии Петровны. Они подолгу беседовали. Новая знакомая мамы не могла ходить дальше лавочки у подъезда и Мария Васильевна рассказывала ей как она ходила в церковь, какие новости слышала в магазине, да мало ли какие разговоры у двух милых старушек.

Но однажды Мария Васильевна пришла домой от Клавдии Петровны чрезвычайно взволнованная. Она сама стала рассказывать: -

- Толя! Платок! Клаве дочка из Петербурга платок привезла. Такого я не видела.

- С красивыми алыми цветами, плывущими в облаках? – пошутил я.

- Нет, но похож. Павловский, называется. Запомнила потому, что мою девичью фамилию напомнил (мама в девичестве была Павлова). Очень мне понравился. Купи мне такой.

- Павлопосадкий – уточнил я.

Неоднократно приобретая различные платки для маминой коллекции, а также, чтобы ей было что дарить, в свою очередь, многочисленным родственницам и знакомым женщинам, приходившим и приезжавшим к ней в деревенский дом, я конечно, знал, что павлопосадского ассортимента в магазинах нашего города не было.

- Давай мама сделаем так. Как только поеду в Москву в командировку, обязательно куплю и привезу тебе красивый павлопосадский платок.

- А когда поедешь?

- Пока не знаю.

Больше к этому разговору не возвращались, и за текущими делами и бесконечными заботами я почти забыл о своем обещании.

Мама прожила у нас чуть более трех лет. Мне было комфортно от присутствия матери, и мы все жили в полном согласии. Редко, но бывало, мне приходилось задерживаться на работе, и я приезжал домой поздно. Оставлял машину на площадке возле дома, смотрел на окна своей квартиры и видел, что мама сидит на лоджии и ждет меня. Она не ложилась спать, пока я не возвращался. Иногда, когда мы с приятелями вечером играли в бильярд, Лидия Ивановна звонила и говорила расстроенным голосом: «Мама не ложится спать, пока ты не приедешь». Я просил передать трубку маме, говорил ей, что все в порядке, что просто нужно повстречаться с друзьями, но она была непреклонна: «Я подожду тебя. Ты где?»

Уже четвертый новый год мама встретила в нашей семье. И в конце января как-то сказала:

- Ты все, Толя, помнишь, что нужно сделать после моей смерти?
- Да, конечно. Помню все твои наказания. А зачем ты это спрашиваешь?
- Умру я скоро. До лета, наверно, не дожить.
- Мама, зачем ты меня расстраиваешь? Мы летом все вместе в деревню поедем.

- Вряд ли. Ну, да ладно. Как Бог даст.

Начало нового года выдалось для меня напряженным. Домой приходил часто уставший, ужинал и ложился у себя в спальне.

Однажды мать пришла ко мне в комнату и села на край кровати. Стала как обычно что-то рассказывать, но я был не склонен к разговорам.

- Эх, Толя, Толя – промолвила мама, - Захочешь вот потом поговорить, да не с кем будет.

С тем и ушла в зал, оставив сына, занятого своими мыслями.

В феврале мама попросила позвонить дочери Вале в Казахстан, младшему сыну Саше в Ленинградскую область, сестре Ниле, живущей в Мурманске, внучкам Марианне из Москвы и Людмиле из Петербурга, а также в свою деревню, к соседке - тете Сане, которая приглядывала за нашим домом.

В течение недели она со всеми переговорила, не торопливо отвечая на вопросы, что живет ей хорошо, со снохой Лидой она ладит, что правнук Алеша регулярно приходит к ней в гости, а кот Рокич может и поцарапать, если с ним заиграешься ненароком.

Я хоть частично и разобрался со своими делами, но домой приходил утомленный и все никак не мог найти подходящее время, чтобы душевно, как раньше, поговорить с матерью.

Мама умерла неожиданно, в канун женского праздника – 6 марта. Умерла тихо, как бы уснула.

Похоронили маму на деревенском кладбище, рядом с мужем. Отпевание провели в городской церкви, а потом уже повезли на ее родину, где она провела, считай, всю свою жизнь.

Когда все закончилось - надо было выходить на работу. Делал я всё автоматически: оделся, позавтракал и вышел из дома. В одной руке – пакет с мусором, в другой – портфель с деловыми бумагами. Подошел к мусорным бакам и бросил в один из них сначала пакет, затем портфель и поехал в банк, где была назначена встреча. Уже в банке спохватился: «А где портфель с бумагами?»

Как магнитофонную ленту, прокрутил память назад и четко вспомнил, каким движением бросил портфель в мусорник, Тут же поспешил приехать обратно в свой двор, но портфеля не нашел даже дворник, согласившийся за двести рублей осмотреть все баки. Видимо, портфель, еще совсем новый, подобрал кто-то уже.

Почему то я даже не расстроился. Все происходящее воспринималось как-то замедленно и совсем без эмоций. Опустошение пришло позже. Мне казалось, что я остался совсем один в этом мире, устроенном так несправедливо.

В мае я поехал в Москву, в командировку. Сойдя с поезда в столице, я занялся служебными делами, а после обеда, часа в три, вспомнил, что необходимо купить портфель и поехал в известный торговый центр. Зная, примерно, расположение отделов, так как бывал здесь неоднократно и, пройдя по секциям первого этажа, не торопливо, на эскалаторе поднялся на второй этаж. Прошел несколько метров и остановился. Передо мной был отдел павлопосадских платков. Разнообразие цвета и многоликость рисунков ошеломили меня. Я смотрел на переливающиеся, искрящиеся и просто красивые платки и не мог оторваться.

- Что Вам предложить? Хотите подобрать подарок? – спросила продавщица.

- Да, то есть, нет. Поздно. Опоздал я. – начал было говорить, но слезы не дали закончить.

Я вышел из отдела и остановился у лестницы на третий этаж, пытаюсь достать из заднего кармана брюк носовой платок.

- Мужчина, возьмите, пожалуйста. – услышал я голос продавщицы. Она протягивала небольшой фирменный пакет.

- У нас был день павлопосадского платка. В качестве призов покупателям было выделено несколько ценных платков. Вот один остался. Его не успели разыграть среди клиентов. Красивый очень. Это Вам.

Я взял пакет с содержимым, машинально поблагодарил продавщицу и вышел из универмага.

Через полчаса я сидел на скамейке у входа в парк Сокольники. Я любил это место и часто бывал здесь, приезжая в Москву. Неторопливо выкурил пару сигарет, хотя бросил курить несколько лет назад.

Наконец, я вынул из пакета и аккуратно развернул подаренный платок. И, изумленный, ахнул: **среди серебристых облаков на фоне чистого, чистого неба плыли ослепительной красоты алые цветы...**

Июнь 2015г.